

ЗАПАДНАЯ ФИЛОСОФИЯ И **СОВРЕМЕННЫЙ МИР**

УДК 115.4

КАПИТАЛИСТ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТИП ДЕНЕЖНОГО ФЕТИШИСТА: ПО МАТЕРИАЛАМ «КАПИТАЛА» К. МАРКСА

О.А. Богачёв

Тверской государственной университет (г. Тверь)

Предпринята попытка ввести в категориальный аппарат философских и психологических исследований новые понятия: психотип денежного фетишиста, комплекс царя Мидаса, архетип Завоевателя мира. Уточняются представления о содержании, генезисе и разновидностях «анального характера».

***Ключевые слова:** экономическая теория К. Маркса, капиталист – денежный фетишист, мотивы и стереотипы его поведения, психологические комплексы, инстинктивные влечения, доброкачественная и злокачественная формы «анального характера»*

В статье «Образ капиталиста в “Капитале” К. Маркса: мифологический аспект научной теории» [2, с. 69–77] автор попытался обосновать положение о том, что революционно-теоретическое мышление великого учёного, его «...сознательный научный разум берёт своё начало в матрице бессознательного» [25, с. 58]. Представления К. Маркса о капиталистах имеют своим источником не только его личные впечатления, наблюдения и обобщения. Они обладают также бессознательно-мифологическим содержанием и как таковые «...исходят не от конкретного человека, а от архетипа» [27, с. 74] Героя-Спасителя, которым был одержим К. Маркс-революционер.

В настоящей работе продолжается критическое исследование учения основателя «научного социализма» о капиталистах. Но акцент делается не на мифологической, а на рациональной стороне воззрений великого теоретика. Автор стремится найти ответ на вопрос: какой психологический тип капиталистов запечатлел К. Маркс в своём гениальном произведении. Другими словами, какая «психологическая порода» людей выполняет в нём функцию ведущего субъекта капиталистических производственных отношений? Методологической базой исследования служат философско-психологические идеи, содержащиеся в трудах выдающихся мыслителей XX в.: К.Г. Юнга, З. Фрейда, Э. Фромма, И.П. Павлова, А.А. Ухтомского.

Подход к проблеме

В указанной выше статье было высказано предположение о том, что К.Маркс воспринимал капиталистов в лучах психологической про-

екции архетипической идеи злой силы. Это предопределило враждебно-предвзятое отношение революционного мыслителя ко всем представителям данной общественной группы. Сформированный у К. Маркса архетипом психологический угол зрения обусловил эффект «выборочного восприятия» (см.: [7, с. 58]). Все внимание ученого сфокусировалось на том типе капиталистов, чьи мотивы и стереотипы поведения в наибольшей степени соответствовали содержанию указанной идеи бессознательного и ее мифологическому воплощению. Фантастическому образу «Кощея-вампира», с которым ассоциируется в «Капитале» образ капиталиста, в реальном мире соответствует особый психотип человека – денежного фетишиста. Речь идет об особой психологической породе людей. Они, как это будет показано ниже, наделены от природы злокачественной формой «накопительского характера», по терминологии Э. Фромма (см.: [23, с. 289–292], или «анального характера», по терминологии З. Фрейда (см.: [20, с. 151–155]).

Если говорить в самой общей форме, указанный тип характера становится злокачественным, когда он отягощается, во-первых, садистскими наклонностями; во-вторых, навязчивой зависимостью чувств и желаний, мыслей и поступков человека от денег – «мертвых вещей», обладающих всеподчиняющей силой. Склонность к садизму, с одной стороны, и стремление «...к обладанию определенным раздражающим предметом...» [15, с. 264] – с другой, могут иметь различную степень интенсивности. По этой причине тип денежного фетишиста внутри себя оказывается неоднородным и подразделяется на подтипы.

К. Маркс ввел в политическую экономию понятия товарного фетишизма (см.: [9, с. 80–93]), товарного и денежного фетиша [там же, с. 103]. Термин «денежный фетишист» в его научном словаре отсутствует. И это не случайно. Великий теоретик писал о фетишизме, который присущ не людям особого психологического типа, а «...продуктам труда, коль скоро они производятся как товары...» [там же, с. 82]. Суть товарного фетишизма, по К. Марксу, заключается в том, что товарная форма продукта объективно порождает в сознании людей извращенные, фантастические представления о природе товара и денег. Товарная форма играет роль кривого зеркала, «... которое отражает людям общественный характер их собственного труда... как общественные свойства... вещей, присущие им от природы; поэтому и общественное отношение производителей к совокупному труду представляется им находящимся вне их общественным отношением вещей» [там же].

Рассматривая вопрос о товарном фетишизме, К. Маркс делал акцент на объективно-экономическом и гносеологическом аспектах проблемы. К анализу субъективной, т. е. психологической, стороны производственных отношений он обращался тогда, когда требовалось охарактеризовать их поверхностные формы.

Для объяснения мотивов и стереотипов экономического поведения людей К. Маркс пользовался понятием «отражение». Его смысл состоит в том, что в сознании агентов производственных отношений «внешняя необходимость» отпечатывается «...как внутренняя необходимость, как нужда» [13, с. 125]. В связи с этим К. Маркс «...истолковывает большую часть человеческих склонностей, или человеческой мотивации, исходя из того, что она определяется процессом производства» [22, с. 347] и прямого отношения к врожденным психологическим свойствам людей не имеет. Данное утверждение К. Маркс относит в полной мере к таким качествам человека, как «стяжательство», «жадность», «скупость» [там же, с. 346].

По К. Марксу, поведение субъектов производственных отношений подчинено принципу «социального детерминизма». Данное научное обобщение содержит в себе зерно истины. Тем не менее оно не обеспечивает адекватно-целостного понимания социальной действительности. Механизм детерминации поведения субъектов общественных отношений является более сложным, чем это представлялось К. Марксу.

Современный уровень развития психологических знаний позволяет ставить вопрос о дополнении принципа «социального детерминизма» принципом «психологического детерминизма». В поле зрения общественных, в том числе экономических наук должна быть введена инстинктивно-бессознательная сторона человеческой психики. В ней происходят процессы, которые преследуют «...свою собственную цель, независимо от внешних факторов...» [26, с. 24]. Не признание этого фундаментального психологического факта направляет социально-экономические исследования по ложному пути. Очевидно, например, что человек не рождается денежным фетишистом. Но тот, кто им становится, как это будет показано ниже, обладает от природы специфическим комплексом психологических свойств. Носители этих свойств в условиях товарного производства и превращаются в денежных фетишистов.

Мотивы и стереотипы поведения денежных фетишистов

В «Капитале» интересующий нас психотип человека скрывается под маской капиталиста (фабриканта, купца, ростовщика и т. д.), а также собирателя сокровищ. Присущие ему свойства исследуются К. Марксом с двух точек зрения: во-первых, по отношению человека данного типа к деньгам; во-вторых, по его отношению к наемным рабочим. В первом случае денежный фетишист демонстрирует свое сходство с «Кощеем», во втором – с «вампиром» (см.: [2, с. 72–75]).

Стремление к абсолютному обогащению, страстная погоня за деньгами «...являются общими и для капиталиста и для собирателя сокровищ...» [9, с. 164]. Для них обоих деньги – это «мирской бог» (см.: [8, с. 408]). Они поклоняются и служат ему, принося «...потребности своей плоти в жертву золотому фетишу» [9, с. 144, 606]. Этой же жерт-

вы – «отречения от всех жизненных благ» [там же, с. 607] – они требуют от тех, кто находится в их власти.

Имея общую цель – накопление денег – капиталист и собиратель сокровищ идут к ней различными путями. Стереотип накопительского поведения собирателя сокровищ может быть описан формулой: изъять деньги из чужих рук и удержать в собственных. Данный способ накопления носит иррациональный характер. Поэтому К. Маркс назвал собирателя сокровищ «помешанным капиталистом» [там же, с. 164], у которого страсть к накоплению «...выступает как индивидуальная мания...» [там же, с. 606]. Таким образом, собиратель сокровищ – денежный маньяк. А значит, причины иррационального характера практикуемой им модели накопления, по логике К. Маркса, коренятся не во внешней среде, а внутри самого человека. Этот вывод не укладывается в рамки концепции социального детерминизма, но любое правило, как известно, может иметь свои исключения.

У «нормального» капиталиста модель накопительского поведения «рациональная». По мнению К. Маркса, присущее капиталисту стремление к накоплению денег является отражением в его сознании действия «...общественного механизма, в котором он является одним из колесиков» [там же]. «Непрестанного возрастания стоимости, которого собиратель сокровищ старается достигнуть, спасая деньги от обращения, более пронизательный капиталист достигает тем, что он все снова и снова бросает их в обращение» [9, с. 164]. Капиталист авансирует принадлежащие ему деньги «...с тем намерением, чтобы сделать из них еще большее количество денег» [там же, с. 204]. Указанный стереотип накопительского поведения характеризует капиталиста как «рационального собирателя сокровищ» [там же, с. 164]. Будучи таковым, он не чурается вступать с другими людьми в меновые отношения по принципу: я тебе – ты мне. Но при этом он не приемлет отношений эквивалентных. Он готов меняться, но только по схеме: отдаю меньше – получаю больше.

Взгляд на капиталиста со стороны его отношения к другим субъектам производственных отношений, и в первую очередь к наемным рабочим, позволяет вскрыть эксплуататорскую сущность характера денежного фетишиста. В «Капитале» денежный фетишист предстает как человек, имеющий «анально-садистский характер». Он демонстрирует склонность превращать потребление рабочей силы в «болезненно-насильственный», «мучительный» процесс [там же, с. 275], который «...ведет к преждевременному истощению и уничтожению рабочей силы» [там же]. Основопологающий вектор глубинно-бессознательных устремлений человека рассматриваемого типа можно выразить словами А. Смита: «...всюду, где закон допускает это и где характер работы делает это возможным, он (денежный фетишист. – *О.Б.*) по общему правилу предпочитает работу рабов работе свободных людей» [17, с. 390].

Разновидности денежных фетишистов: общность мотивов экономического поведения

В «Капитале» К. Маркса денежные фетишисты выступают преимущественно в облике фабрикантов. Денежный фетишизм этой подгруппы рациональных накопителей затемняется производственным характером их организационно-предпринимательской деятельности. Но о каком бы подтипе денежных фетишистов ни шла бы речь (фабриканте, купце, банкире и т. п.), все они организуют кругооборот принадлежащих им денег по формуле $D \dots D'$, «... где $D' = D + \Delta D$, т. е. равно первоначально авансированной сумме плюс некоторое приращение» [там же, с. 161]. Именно «как сознательный носитель этого движения, владелец денег становится капиталистом» [там же, с. 163]. Формула $D \dots D'$ «...с наибольшей наглядностью выражает побудительный мотив капиталистического производства, делание денег» [10, с. 67]. Капиталист авансирует «...свой капитал с той целью, чтобы он вырос по своей стоимости и возвратился к нему в своей первоначальной форме» [там же, с. 175]. В руках капиталистов – денежных фетишистов капитал фигурирует «...как деньги, порождающие деньги» [там же, с. 168], независимо от того, во что они на время вкладываются. В любом случае начальной и конечной формой движения капитала являются деньги. А деньги не пахнут! В чистом виде денежный фетишизм обнаруживает себя в психологии ростовщика или банкира. Они имеют дело с деньгами, приносящими проценты. В их руках деньги непосредственно порождают деньги.

Доминанта бессознательного денежного фетишиста: комплекс царя Мидаса

Превращение денег в фетиш обусловлено двумя факторами.

Один из них имеет экономическое содержание. Деньги играют в товарном мире роль «всеобщего эквивалента» (см.: [9, с. 79]). В этом качестве они являются «...всеобщим представителем вещественного богатства, потому что они непосредственно могут быть превращены во всякий товар» [там же, с. 144]. С их помощью человек «...способен купить все, имеющееся в продаже» [14, с. 537], получить «...безграничную власть над предметами желаний» [там же, с. 91], «...над всей совокупностью полезных и приятных вещей...» [там же, с. 90].

Сущность второго фактора – объективно-психологическая. «Абсолютная страсть к обогащению» (см.: [9, с. 605–606]), неудержимое желание наживать и накапливать деньги, денежный капитал возникает далеко не у всех людей. Навязчивую привязанность к деньгам, непреодолимую зависимость от них демонстрируют только лица, одержимые особым психологическим комплексом. Этот комплекс может быть обозначен именем мифологического царя Мидаса.

Древнегреческий миф повествует о том, что Дионис исполнил самое заветное желание Мидаса. Бог наделил его особым даром – спо-

способностью превращать все, к чему царь ни прикоснется, «...в чистое, блестящее золото» [6, с. 64]. Но не долго Мидас наслаждался своей чудодейственной силой. Слуги приготовили царю богатый пир. И тут он понял, что придется ему погибнуть от голода и жажды. «Золотыми становились у него во рту и хлеб, и все яства, и вино» [там же, с. 65]. Взмолился Мидас и упросил Диониса взять этот дар назад.

Миф о царе Мидасе запечатлел крайнюю форму проявления денежного фетишизма. Для Мидаса золото – «сверхценная вещь». Дороже нее только его собственная жизнь. За желанием Мидаса все превращать в золото скрываются типичные царские страсти: ненасытная жажда всемогущества, стремления к необъятной власти и неисчислимой собственности. Все эти влечения могли быть удовлетворены с помощью золота. В обществе товаропроизводителей оно обладает общественно-монопольной силой, которую можно накапливать и использовать для целенаправленного и «мощного воздействия на среду» (см.: [7, с. 180]). Эта сила позволяет владельцу денег, не прибегая к прямому принуждению, подчинять других людей своей воле; беспрепятственно овладевать на основе обмена любыми вещами, находящимися в чужой собственности. По вышеуказанной причине инстинктивные влечения к могуществу, власти и собственности обретают в золоте (в деньгах) «...своего адекватного раздражителя» [18, с. 48]. Между внутренним содержанием бессознательного – «идеями» влечений к могуществу, власти и собственности, с одной стороны, и внешним образом – золотом (деньгами), с другой, «...устанавливается, – говоря словами А.А. Ухтомского, – прочная (“адекватная”) связь, так что каждый из контрагентов (внутреннее состояние и внешний образ) будет вызывать и подкреплять исключительно друг друга...» [там же, с. 48]. В результате внешний предмет приобретает психологическое качество «навязчивого образа» (см.: [там же, с. 49]), превращается в «сверхценную вещь» – фетиш. Впитав психологическую силу бессознательного, он обретает непреодолимую власть над человеком, заставляет его самозабвенно служить себе и в мыслях, и в делах. Влечение к фетишу притягивает и вбирает в себя энергию других инстинктивных стремлений. Тем самым оно ослабляет, тормозит их реализацию, само же при этом усиливается до всепоглощающей страсти.

Появление денежных фетишистов на исторической сцене

Денежный фетишист как особый психологический тип человека во всеуслышание заявил о своем существовании и своих притязаниях на овладение всеми богатствами мира в эпоху великих географических открытий и колониальных завоеваний, в исторический период «так называемого первоначального накопления» (см.: [9, с. 725–773]). Люди этого типа выступили творцами нового этапа общественной эволюции человечества, «...для которого деньги являлись силой всех сил» [там же,

с. 730]. А для их накопления все средства были хороши: и неэквивалентный обмен, и прямое насилие – «...завоевание, порабощение, разбой ...» [там же, с. 726].

Денежные фетишисты как главные действующие лица мировой драмы первоначального накопления вошли в историю под различными именами. Их называли конкистадорами, колонизаторами, купцами, корсарами, работоторговцами, плантаторами, ростовщиками и т. п. Исторические имена у денежных фетишистов были разные, а психологическая сущность одна и та же – одержимость комплексами царя Мидаса. Все они бредили идеей овладения сокровищами мира и использовали для достижения этой цели методы «обмена» и «завоевания». Применяя оба способа обогащения, одни из них делали акцент на мирном, но не эквивалентном обмене, другие на насильственном захвате, вооруженном завоевании.

Архетип Завоевателя мира

Денежный фетишист по своей инстинктивной сути – агрессивный накопитель. Он «... смотрит на мир божий глазами Тамерлана» [16, с. 13] и процесс накопления воспринимает как «... завоевание мира общественного богатства» [9, с. 606]. К. Маркс психологически обоснованно сравнивал собирателя сокровищ с «завоевателем мира». Он писал: «...стремление к накоплению сокровищ по природе своей безмерно... Противоречие между количественной границей и качественной безграничностью денег заставляет собирателя сокровищ все снова и снова предпринимать сизифов труд накопления. С ним происходит то же, что с завоевателем мира, который с каждой новой страной завоевывает лишь новую границу» [там же, с. 144].

Образ Завоевателя мира имеет архетипическое качество. Он является обобщающим выражением всей совокупности бесчисленных мифологических и легендарно-исторических образов великих, всемогущих царей, всемогущих, непобедимых завоевателей, властелинов мира, вседержителей и т. п. Перечисленные и им подобные образы являются носителями архетипических идей могущества, власти и собственности (богатства). Они играют путеводную роль для всех тех, кто этими врожденными идеями бессознательно одержим.

Архетип Завоевателя мира включает в себя те же самые влечения, что и Мидасов комплекс. Но в отличие от последнего он заряжен крайне агрессивной психологической энергией. Эта энергия придает входящим в его состав инстинктивным влечениям специфическое качество – садистской, некрофильской акцентированности.

Основопологающим элементом рассматриваемого архетипа является стремление к могуществу – достижению силового превосходства над другими, вышестоящего, доминирующего над ними положения, наращиванию силы агрессивного воздействия на внешний мир. Влечение к могуществу означает здесь стремление к силе, внушающей страх и

ужас, способной сокрушать и уничтожать, причинять непоправимый вред и ущерб.

Вторым элементом данного архетипа является влечение к власти. «...Слово “власть”, – писал Э. Фромм, – достаточно широкий термин и имеет два совершенно различных значения: власть может быть либо “рациональной”, либо “иррациональной”. Рациональная власть основана на компетенции; такая власть способствует росту человека, который на нее опирается. Иррациональная власть зиждется на насилии и служит для эксплуатации того, кто ей подчиняется» [23, с. 44]. В данном случае речь идет о влечении к насильственной власти, стремлении к садистскому подчинению других лиц своей воле, к неограниченному контролю над ними.

Заметим, что «...жажда власти, – по К. Марксу, – есть один из элементов страсти к обогащению» [9, с. 606]. Эта страсть включает в себя стремление ее носителя осуществлять «функцию господства» (см.: [11, с. 423]), играть роль «властителя» (см.: [9, с. 727; 12, с. 423]), «властелина» (см.: [12, с. 453]).

Третьим элементом архетипа Завоевателя мира выступает влечение к собственности. Инстинкт собственности выражает запрограммированные природой модели отношений человека к вещам и другим людям по поводу вещей. Важнейшей чертой агрессивной модели присвоения является стремление человека, говоря словами В. Макдугалла, «...бороться за все вещи, которые воспринимаются как полезные и привлекательные» (цит. по: [7, с. 59]). Инстинкт собственности включает в себя стремления овладеть, пользоваться и распоряжаться объектами внешнего мира, защищать присвоенные вещи, сберегать и накапливать их.

Территориальный инстинкт

Важнейшим объектом присвоения является земля. Стремление к землевладению имеет экономическое и инстинктивное содержание.

В первом значении оно сводится к присвоению земли как фактора производства, средства и предмета труда (см.: [9, с. 189–190]). В этом плане влечение к овладению землей принципиально не отличается от потребностей человека в других вещах, необходимых для производственной деятельности. В данном случае инстинктивное содержание отношения собственности на землю затемняется социально-экономическими целями присвоения, сознательными намерениями агентов производства.

Инстинктивное содержание влечения к земле выступает на первом плане тогда, когда она присваивается не как фактор производства, а как «жизненное пространство». В этом значении влечение к овладению землей не сводится к присвоению земли как таковой. Оно охватывает все объекты, которые находятся с ней в непосредственной связи. В этом смысле влечение к овладению землей выступает не в качестве простой

составляющей инстинкта собственности, а является особой – пространственно-территориальной – формой выражения инстинкта собственности как сложного целого. Другими словами, инстинкт собственности облекается в форму «территориального инстинкта».

Влечение к собственности – сложное психологическое явление. Поэтому оно может иметь ряд определений, каждое из которых будет ставить акцент на той или иной его стороне. Территориальная форма инстинкта собственности представляет собой врожденную склонность животных и человека захватывать, «метить» и защищать жизнеобеспечивающую территорию (участок земли, место на земле). Сигнальным раздражителем территориального инстинкта выступают не отдельные полезные вещи, а интегральный, синтетический образ всех полезных вещей в целом – это земля и все, что на ней и в ней находится. Этот образ является естественным сигнальным раздражителем, который «запускает» не только территориальный инстинкт, но и активизирует архетип Завоевателя мира как сложный психологический комплекс в целом.

Своеобразие Мидасова комплекса

Комплекс царя Мидаса является модифицированной, видоизменной формой архетипического комплекса Завоевателя мира. Мидасов комплекс по своей внешней форме – стремлению к накоплению денег – имеет социальный характер. Но за этой «общественной внешностью» скрывается инстинктивно-архетипическое содержание. Комплекс царя Мидаса возникает у людей, находящихся под властью архетипа Завоевателя мира, при наличии у последнего двух особенностей.

Во-первых, у людей, склонных к денежному фетишизму, территориальная форма выражения инстинкта собственности, стремление к захвату территории, расширению землевладений и, как крайний случай, мировому господству оттесняется на второй план. На первый выдвигается влечение к овладению, сбережению и накоплению «сверхценных вещей», выполняющих функцию всеобщего эквивалента.

Во-вторых, трансформации архетипа Завоевателя мира в комплекс царя Мидаса способствует ослабление агрессивного потенциала вышеуказанного архетипа. В результате склонность к насильственному присвоению, захвату, завоеванию вытесняется с психологической авансцены стремлением к мирному обогащению – использованию отношений неэквивалентного обмена как основного источника накопления денег. Агрессивность сохраняется, но она утрачивает некрофильский (смертоносно-кровожадный) характер.

«Анальный характер» и его доброкачественная форма

Как отмечалось выше, денежные фетишисты являются носителями злокачественной формы «анального характера». А что представляет собой его доброкачественная форма? Ответ на этот вопрос позволяет

более полно и конкретно раскрыть своеобразие психологической конституции денежных фетишистов.

По наблюдению первооткрывателя «анального характера» З. Фрейда, у людей интересующего нас типа «...обнаруживается, как правило, присутствие следующих трех черт: они очень аккуратны, бережливы и упрямы» [20, с. 151]. Каждое из названных психологических свойств служит у З. Фрейда для обозначения некоторой совокупности «...черточек характера, стоящих в тесном отношении друг к другу» [там же]. Например, термин «аккуратность» служит для обозначения таких свойств, как «...чистоплотность, любовь к порядку и добросовестность...» [там же, с. 153]. «...Противоположные в этом отношении черты: беспорядочность, небрежность. Бережливость может доходить до размеров скупости; упрямство иногда переходит в упорство...» [там же, с. 151].

«Упрямство» как черта характера является формой проявления двух инстинктивных влечений, которые И.П. Павлов именовал «рефлексом свободы» и «рефлексом цели» (см.: [15, с. 264–276]). По указанной причине термин «упрямство» имеет два значения. Первое описывается как «своеволие», «своенравие», «непослушание», «...идущее наперекор поведению...» [20, с. 154] и т. п. Упрямые дети рассматриваемого типа вырастают и превращаются в «положительных», достойных людей, стремящихся к самостоятельности и независимости, склонных к самоорганизации и самоуправлению. Во втором значении «упрямство» означает целеустремленность, упорство, настойчивость, стремление любое дело доводить до конца и т. п. Инстинкт цели выражает присущую человеку от рождения склонность сознательно ставить перед собой и достигать те или иные цели, преодолевая препятствия на пути к ним. И.П. Павлов писал: «...для полного, правильного, плодотворного проявления рефлекса цели, требуется известное его напряжение. Англосак, высшее воплощение этого рефлекса, хорошо знает это, и вот почему на вопрос: какое главное условие достижения цели – он отвечает неожиданным, невероятным для русского глаза и уха образом: “существование препятствий”. Он как бы говорит: “Пусть напрягается, в ответ на препятствия, мой рефлекс цели – и тогда-то я и достигну цели, как бы она ни была трудна для достижения”» [15, с. 269]. Данная психологическая установка превращает обладателей «анального характера» в упорных тружеников.

Успешная реализация «рефлекса цели» доставляет человеку ярко выраженное удовольствие. И наоборот. Все, что препятствует успеху, вызывает у него агрессивную реакцию. Как отмечал З. Фрейд, к упорству «...легко присоединяется склонность к гневу и мстительности» [20, с. 151]. Агрессивность – естественный психологический «ответ» свободлюбивого и целеустремленного человека на внешнее ограничение его влечений. В данном случае речь идет о «доброкачественной агрессии» (см.: [21, с. 245]). «Она носит взрывной характер и возникает спонтанно

как реакция на угрозу; а следствие ее – устранение либо самой угрозы, либо ее причины» [там же, с. 246].

По З. Фрейду, разнообразие психологических типов обусловлено многообразием врожденных людям «сексуальных конституций» (см.: [19, с. 70]). По мнению создателя глубинной психологии, характер человека может быть описан через понятие «душевного комплекса», соответствующего «оральной, анальной, уретральной и т. п. эротике» [там же]. Формирование указанной выше триады свойств «анального характера» (аккуратности, бережливости, упрямства) связано, по предположению З. Фрейда, «... с поглощением и исчезновением анальной эротики» [20, с. 152]. Названные черты характера являются «постоянными продуктами» её «сублимирования» (см.: [там же, с. 153]).

Как отмечает М. Перре, научная проверка психоаналитических гипотез З. Фрейда, которая была начата ещё в 40-е гг. XX в., поставила под сомнение истинность многих из них. Но при этом «удалось подтвердить гипотезу Фрейда об анальном характере... такие признаки, как “бережливость”, “своенравие” и “любовь к порядку”, образуют конфигурации, которые нельзя назвать случайными... Типологические же предположения об оральном и генитальном характере нашли довольно слабое эмпирическое подтверждение... Довольно шаткими оказались гипотезы о возникновении психоаналитических типов характера» [5, с. 290]. Последний вывод может быть распространён и на предположение З. Фрейда о генезисе «анального характера». Его воззрения на этот счет до сих пор продолжают оставаться оригинальной гипотезой, так и не сумевшей обрести силу научной теории.

По признанию З. Фрейда, ему лично внутренняя связь указанных выше черт характера с анальной эротикой была «...далеко не до конца ясна и понятна» [20, с. 153]. По нашему мнению, такая связь, вероятно, существует. Но содержание ее может быть истолковано отличным от З. Фрейда образом.

К числу особенностей врожденной сексуальной конституции лиц, у которых формируется «анальный характер», великий ученый относил резко выраженную у них в детстве, гиперакцентуированную «эрогенность заднепроходной зоны» (см.: [там же, с. 152]). З. Фрейд писал: «Дети, которые пользуются эрогенной раздражимостью анальной зоны, выдают себя тем, что задерживают каловые массы до тех пор, пока эти массы, скопившись в большом количестве, не вызывают сильные мускульные сокращения и при прохождении через задний проход способны вызвать сильное раздражение слизистой оболочки. При этом вместе с ощущением боли возникает и сладострастное ощущение» [19, с. 57].

Отправления организма регулируются принципом психофизического параллелизма. В соответствии с ним «... между психическим и физическим существует врожденная связь» [3, с. 216]. Накопление отходов пищеварения – естественная телесная функция. Она поддерживается

врождённым человеку психологическим стремлением – инстинктом сбережения-накопления. Закрывающее описанный выше физиологический процесс «сладоэротическое ощущение» активизирует этот инстинкт, обеспечивает ему дополнительное энергетическое подкрепление. В результате стремление к сбережению-накоплению получает в психологической конституции рассматриваемого типа людей доминирующую роль. С самого раннего детства сбережение-накопление становится для них важнейшей психологической целью, достижение которой приносит глубокое удовлетворение.

С позиции вышеизложенного в триаде свойств, образующих «анальный характер», системообразующая роль должна быть признана за «бережливостью». «Анальный характер» – это «душевный комплекс» бережливого человека или, если использовать терминологию Э. Фромма, человека «накопительской ориентации» (см.: [24, с. 64–65]). Человек бережливый стремится к сохранению и, благодаря этому, приращению присвоенного. Инстинктивный стереотип его поведения: меньше потреблять, больше сберегать. Для человека с «анальным характером» бережливость – важнейшая форма реализации инстинкта самосохранения. «Безопасность этих людей, – писал Э. Фромм, – основывается на накоплении и сохранении уже накопленного, тогда как траты воспринимаются ими как угроза. Они как бы ограждают себя от внешнего мира оборонительной стеной, а их главная цель – привнести как можно больше внутрь этой крепости и как можно меньше вынести из неё» [там же, с. 64].

Другие черты рассматриваемого характера «аккуратность» и «упрямство» являются необходимыми условиями реализации склонности к сбережению и накоплению. Человек «неаккуратный» (беспорядочный, небрежный и т. п.), а также «неупрямый» (несамостоятельный, нецелеустремленный и т. п.) оказывается неспособным постоянно ограничивать себя в потреблении, методично сберегать и накапливать.

«Аккуратность» и «упрямство» имеют общий с «бережливостью» инстинктивный корень. Это потребность в безопасности, самосохранении. Состояние хаотичности, неустойчивости, непредсказуемости внешнего мира, зависимость от других людей, отсутствие возможности влиять на их действия вызывают у людей с «анальным характером» чувство тревоги и страха. На исходящие от внешнего мира угрозы данный тип характера отвечает инстинктивным стремлением к порядку и предсказуемости, влечением к свободе и упорной самостоятельной деятельности.

«Упрямы» и «аккуратные» – это свойства, которые могут существовать независимо друг от друга и принадлежать людям разных психологических типов. Человек аккуратный или упрямый может не быть обязательно бережливым. Но бережливый человек является, как правило, одновременно и упрямым, и аккуратным.

Заметим, бережливость и упрямство, согласно наблюдениям З. Фрейда, «...связаны друг с другом теснее, чем... с аккуратностью, да и во всем комплексе они представляют более постоянную составную часть» [20, с. 151–152]. Но тем ни менее великому психологу казалось несомненным, что «...все эти три свойства связаны между собой, что они каким-то образом составляют одно целое» [там же, с. 152].

Вышеизложенное подводит к выводу: «анальный характер» – явление не «социальное» (как полагал, например, Э. Фромм), а «природное». В связке: «природный характер людей» – «характер отношений между людьми» первый элемент является объективной психологической предпосылкой второго. Хотя между указанными сторонами существует и обратная связь. Люди рассматриваемой психологической породы предрасположены к особому типу общественных отношений. Они склонны к имущественно-обособленному и хозяйственно-самостоятельному образу жизни. Эти люди представляют собой тот «человеческий материал», из которого формируются социальные слои мелкой и средней буржуазии. Перед нами прирожденные собственники. Собственность наделяет человека бережливого вещами, которые он может сберегать и накапливать, а также использовать как базис для самостоятельной хозяйственной деятельности.

Злокачественная деформация «анального характера»: формы денежного фетишизма

Бережливость имеет различные степени выраженности. Она может доходить до размеров скупости. В этом случае человек бережливый превращается в скупца, скрягу. Особенно явственно иррациональный характер крайней формы бережливости – скряжничества – обнаруживается в отношении скупцов к деньгам. Скряги принадлежат к числу «людей, слишком боязливо расходующих свои деньги» [там же, с. 154]. Говоря словами Д. Кейнса, ими движет стремление «...удовлетворить чувство скупости как таковое, иначе говоря, реализовать ни на чем не основанное, но стойкое предубеждение против самого акта расходования денег» [4, с. 127]. Такое отношение к деньгам З. Фрейд именовал «денежным комплексом» (см.: [20, с. 154]).

Интенсивность денежного комплекса способна достигать крайней степени. И тогда он приобретает ярко выраженный патологический характер, превращаясь в манию. Ради сбережения денег скряга-маньяк подавляет все свои основные потребности. И в результате теряет человеческий облик. По этому поводу И.П. Павлов писал: «Разве мы не читаем часто в газетах о скупцах – коллекционерах денег, о том, что они среди денег умирают одинокими, в грязи, холоде и голоде, ненавидимые и презираемые их окружающими и даже близкими? Сопоставляя все это, необходимо прийти к заключению, что это есть темное, первичное, неодолимое влечение, инстинкт, или рефлекс» [15, с. 265].

«Денежный комплекс» скупца является особой формой проявления денежного фетишизма. Указанный психологический феномен дополняет Мидасов комплекс чувством страха перед расходом денег, препятствует их разумному использованию. Под действием названных комплексов носитель «анального характера» превращается в денежного фетишиста, у которого «...жажда обогащения и скупость господствуют как абсолютные страсти» [9, с. 607].

Денежный фетишист воспринимает мир подобно ростовщику Гобсеку из одноименной повести Оноре де Бальзака. По убеждению Гобсека и родственных ему по духу людей, «...из всех земных благ есть только одно, достаточно надежное, чтобы стоило человеку гнаться за ним. Это... золото (деньги. – *О.Б.*). В золоте сосредоточены все силы человечества. ...А что касается нравов, – человек везде одинаков: везде идет борьба между бедными и богатыми. И она неизбежна. Так лучше уж самому давить, чем позволять, чтобы другие тебя давили» [1, с. 28–29].

Давить других, выжимать из них деньги, сберегать и накапливать деньги как «священный источник» личного могущества, власти и собственности – вот жизненное кредо всех денежных фетишистов. Вот суть миропорядка, который соответствует их психологической конституции.

Список литературы

1. Бальзак О. де. Гобсек. Отец Горио. Прославленный Годиссар. История тринадцати. Шагреневая кожа. М., 2006.
2. Богачёв О.А. Образ капиталиста в «Капитале» К. Маркса: мифологический аспект научной теории // Вестн. ТвГУ. Сер. Философия. 2009. Вып. 4, № 42.
3. Вейнингер О. Последние слова; Пол и характер: сб. Минск, 1997.
4. Кейнс Д. М. Общая теория занятости, процента и денег: избранное. М., 2008.
5. Клиническая психология. СПб., 2003.
6. Кун Н.А. Легенды и мифы Древней Греции. Ростов н/Д, 2005.
7. Макклелланд Д. Мотивация человека. СПб., 2007.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд., М., 1955. Т. 1.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Указ. соч. Т. 23.
10. Маркс К., Энгельс Ф. Указ. соч. Т. 24.
11. Маркс К., Энгельс Ф. Указ. соч. Т. 25, ч. 1.
12. Маркс К., Энгельс Ф. Указ. соч. Т. 25, ч. 2.
13. Маркс К., Энгельс Ф. Указ. соч. Т. 42.
14. Милль Д.С. Основы политической экономии с некоторыми приложениями к социальной философии. М., 2007.
15. Павлов И.П. Мозг и психика. М., 1996.
16. Соловьев Е. Ротшильды, их жизнь и капиталистическая деятельность. Челябинск, 1997.

17. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 2007.
18. Ухтомский А.А. Доминанта. СПб., 2002.
19. Фрейд З. Три статьи по теории сексуальности // Фрейд З. Либи́до. М., 1996.
20. Фрейд З. Характер и анальная эротика // Фрейд З. Психоаналитические этюды. Минск, 2004.
21. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1998.
22. Фромм Э. Вклад Маркса в познание человека // Фромм Э. Психоанализ и этика. М., 1993.
23. Фромм Э. Душа человека: сб. М., 2004.
24. Фромм Э. Человек для самого себя // Фромм Э. Психоанализ и этика. М., 1993.
25. Юнг К.Г. Понятие коллективного бессознательного // Аналитическая психология: Прошлое и настоящее. М., 1995.
26. Юнг К.Г. Психология и алхимия. М., 2008.
27. Юнг К.Г. Тэвистокские лекции. Аналитическая психология: ее теория и практика. М., 2009.

CAPITALIST AS A PSYCHOLOGICAL TYPE OF A MONEY FETISHIST: K. MARX'S APPROACH IN "THE CAPITAL"

O.A. Bogachev

Tver State University (Tver)

The paper is aimed at introducing in the context of philosophical and psychological analysis of the new concepts: a psycho-type of a money fetishist, a king Midas complex, an arche-type of a world Conqueror. The content, genesis and varieties of "an anal character" are made more precise.

Key words: *K. Marx's economic theory, a capitalist as a money fetishist, incentives and stereotypes of his behaviour, psychological complexes, instinct drives, positive and negative forms of "an anal character".*

Об авторе:

Богачев Олег Алексеевич – кандидат экономических наук, доцент каф. экономической теории Тверского государственного университета. E-mail: sbrost@mail.ru